

Спрессованный питательный рацион представлял собой ровный брусок, начисто лишенный эстетики. По твердости он напоминал пастилу из боярышника, но состоял из искусственно спрессованных питательных веществ, необходимых человеческому организму. Такой паек позволял быстро утолить голод, экономил время, был удобен и дешев, вот только вкус его оставлял желать лучшего — в конце концов, даже породистых кошек и собак сейчас кормят натуральными продуктами.

Лу Бисин не то чтобы не пробовал вкусной еды или не мог себе её позволить — просто он был неприхотлив и не желал тратить на это лишние силы.

Он проглотил ужин в три счета. Уровень инсулина в крови постепенно повышался, вызывая легкую физическую усталость, а вместе с ней пришло и чувство одиночества.

Лу Бисин на мгновение замер, глядя, как на мониторе всплыло окно со списком учащихся. В графе персонала почти всё было серым, остался лишь одинокий директор. В прошлом году набрали более сотни студентов, а к нынешнему осталось меньше тридцати. Пока он жевал свой скромный ужин, список сократился еще наполовину — видимо, получив ведомости с оценками, студенты окончательно пали духом.

В этом году разослали сто пять приглашений, девяносто человек явились на регистрацию. Многие из них были местными, с планеты Пекин, пришедшими поглазеть на Четвертого брата. Поглазели — и хватит: за один день отчислилось сорок человек, и эта цифра постоянно менялась, словно в какой-то дурацкой игре.

— Дела идут туго, — вздохнул молодой директор.

У Лу Бисина был отличный объем легких, поэтому его вздох длился добрых полминуты. Выдохнув, он решил смотреть на вещи проще.

Эпоха прогрессирует, цивилизация движется вперед, старые «уроды» постоянно борются за свои права, добиваются равноправия и становятся нормальными людьми, но эпоха неизбежно порождает новых уродов.

Лу Бисин называл себя гением, но прекрасно понимал, что гениальность — это просто другое название для уродства.

Будучи уродом, если ты не научишься быть беззаботным, то как вообще жить?

Лу Бисин приказал центральному компьютеру включить электронную танцевальную музыку, способную снести крышу здания — обычно, чтобы побереечь сердца пожилых сотрудников, в административном корпусе играла лишь мягкая классика.

Сегодня всё здание принадлежало ему одному. Лу Бисин заблокировал через центральный

компьютер передние и задние двери. Никто на него не смотрел, и он окончательно пустился во все тяжкие: сорвал с себя пиджак, но этого показалось мало — он стянул обувь и носки, освобождая зажатые пальцы ног. Чашка на столе вибрировала в такт музыке. Директор, словно какой-то разбойник, взгромоздил ногу на стул и принялся строчить новое объявление о вакансиях, параллельно разрабатывая эффективный план Б.

Если не удастся нанять учителей — ну и ладно. Студентов у него всё равно не так много, в крайнем случае, будет преподавать сам. Судя по темпам отчислений, скоро во всей Звездной Сети останется лишь один маленький класс, и первые-вторые курсы вместе со всеми факультетами можно будет объединить. В конце концов, судя по прошлогодним оценкам, делить этих «талантов» на курсы и факультеты не было никакого смысла.

Три маленьких шага превратились в один, и Лу Бисину это показалось вполне разумным. Свой промежуточный провал он списал на то, что слишком широко шагнул и надорвался. Успокоившись на этот счет, он отбросил мысли в сторону и под грохот музыки, фальшиво напевая, принялся копаться в ограниченном наборе оборудования, изучая чип, который дал ему Линь. Он планировал разобраться с ситуацией, составить смету, а потом идти к Чжаньлу выбивать деньги.

При мысли о Чжаньлу мысли Лу Бисина перескочили на хозяина этого удивительного искусственного интеллекта. Анализируя интерфейс биологического чипа, он отвлекся — в голове ни с того ни с сего всплыл взгляд Линя в актовом зале.

Может, освещение в зале было слишком сказочным, а может, то, как эта банда вошла в помещение, было слишком эффектным — в любом случае, стоило этой сцене возникнуть в памяти, как она намертво засела в голове.

Когда он наливал кофе, когда садился писать план исследований, когда подвывал под музыку, размахивая руками и ногами — глаза Линя неотступно следили за его затылком. Это смущало Лу Бисина настолько, что он перестал разгуливать в полуголом виде и благоразумно привел себя в порядок.

Как только открою лабораторию, подумал Лу Бисин, смогу преподавать на практике, а заодно заманю Чжаньлу на подмену.

Он также сможет использовать лабораторию, чтобышний раз отчитываться о ходе исследований перед главным спонсором. Подумав об этом, директор Лу решил, что разложил всё по полочкам, и, преисполненный революционного оптимизма, воспрял духом.

Впрочем, ждать пришлось недолго: через несколько дней главный спонсор, прочно засевший в его мыслях, явился сам.

Четвертый брат приказал Чжаньлу привести в порядок меха Паук. Ему самому он был ни к чему, поэтому, немного подумав, он решил просто подарить его Академии Звездной Сети.

Пенни с парой помощников доставила эту машину к учебному корпусу. Ходили слухи, что Пенни была любовницей предыдущего главаря Черной Дыры, но на самом деле это было не так. Тот главарь был падок на женщин и имел столько любовниц, что не помнил их имен, и никто из них не получил никакой выгоды. Пенни стала сестрой Пенни исключительно благодаря собственному усердию: она взяла под контроль арсенал бывшего босса и стала его правой рукой.

Но у того главаря было не всё в порядке с головой: видя, что помощница хороша собой, он вечно пытался распускать руки. Неудивительно, что в итоге он доигрался.

Линь приехал из другого сектора. В тот раз, когда бывшего босса заблокировали враги на целой колонне мехов и он был готов распрощаться с жизнью, Линь, только что прибывший и работавший уличным уборщиком, случайно проходил мимо. Через сеть уборочной машины он взломал вражеские мехи, превратив грозные машины убийц в бесполезные игрушки.

Бывший босс признал его родным братом и дал четвертый номер — второй и третий братья уже давно покоились в могилах, став жертвами того же босса.

Тогда Черная Дыра еще не была единственной силой на планете Пекин, но Линь выбрал их, и Черная Дыра стала доминировать. Брат оказался слишком способным, и босс, занервничав, снова решил взяться за нож, но верные люди подняли бунт, и нож перерезал горло самому хозяину.

Свистел холодный ветер. Пенни, укутавшись в ветровку с капюшоном, подняла голову и спросила:

— Говорят, из этой школы разбежались все учителя, зачем им что-то дарить?

Четвертому брату не нужно было пускать пыль в глаза, и в последние дни он снова выглядел небрежно. Увидев, что она замерзла, он повел её в защищенное от ветра место:

— Раз ему хочется играть, пусть играет.

Пенни была настроена подозрительно. Хотя Четвертый брат был человеком холодным и никого к себе не подпускал, после того как вокруг него постоянно крутился этот красавчик Чжаньлу, она опасалась, что найдутся и другие желающие последовать его примеру.

— Вы так добры к господину Лу, — осторожно заметила она.

— Я в долгу перед его отцом.

— М? — Пенни замерла. С тех пор как она знала Четвертого брата — а прошло уже пять лет — он ни разу не был в других секторах. Она знала лишь, что он был знаком с тем самым странным сыном Лу Синя, сбежавшим из дома, но никто не знал, что он знаком с Одноглазым Орлом. — Неужели у нашей Черной Дыры есть дела с Одноглазым Орлом?

— Нет, Одноглазый Орёл не знает, что я здесь, — Четвертый брат помолчал. — Это было много

лет назад. Он вернул мне одну вещь, оставшуюся от старого знакомого.

Чжаньлу, всё это время молча следовавший за ними, поднял голову, но Четвертый брат лишь усмехнулся и больше ничего не сказал.

В этот момент неподалеку послышались голоса. Пенни подняла голову и поняла, что они спрятались от ветра прямо за учебным корпусом.

Лу Бисин собрал всех студентов в большой аудитории. Студенты напоминали стайку живых обезьян, сидевших в самых разных позах, а директор Лу, грациозно восседаая на столе, вел лекцию. Подойдя к окну, они слышали, что темой урока была межзвездная контрабанда.

Лу Бисин говорил красноречиво и убедительно. Студенты, не ожидавшие, что первый же день обучения будет таким захватывающим, слушали, затаив дыхание.

— Контрабанда в восьмом секторе существует давно. В основном это оружие и электроника, иногда кто-то промышляет едой и предметами первой необходимости, — Лу Бисин указывал на огромную карту позади себя, показывая торговые пути. — Пути такие извилистые, чтобы избегать пограничных патрулей седьмого сектора. У нас здесь никто особо не следит, главное — не лезть на чужие маршруты и не трогать чужой груз.

Студенты были в восторге. Уайт, который в первый же день взломал систему актового зала, активно включился в разговор:

— Директор, сколько можно заработать на одной ходке и какова разница в цене на контрабандный товар?

— В межзвездной контрабанде нет понятия разницы в цене, дружок, они занимаются не оптовой торговлей ширпотребом, — ответил Лу Бисин. — Там не принимают валюту восьмого сектора, от неё нет толка, а импортом товаров из восьмого сектора они не занимаются. Обычно это бартер. Как именно договариваться о конкретной сделке — решают продавец и покупатель, каждый раз по-разному. Сколько заработаешь — зависит от твоих навыков.

Уайт, хорошо разбиравшийся в компьютерах, был из довольно обеспеченной семьи и одним из немногих, у кого был диплом начального образования. Говорили, его семья готовилась к эмиграции в седьмой сектор, а в Академию он пришел просто от скуки. Сохраняя детскую непосредственность, он спросил:

— Директор, вы же только что сказали, что они не закупают товары из восьмого сектора. Тогда на что они меняют?

Лу Бисин пристально посмотрел на него и не ответил, переадресовав вопрос аудитории:

— Кто-нибудь знает?

Тут подала голос мрачная девушка из угла — та самая, что мастерила лазерный пистолет:

— На людей меняют, идиот. В восьмом секторе полно таких бездельников, как ты, их выгодно продавать в другие сектора для экспериментов или на грязную работу, которую не позволяют делать людям.

Лицо Уайта изменилось.

Лу Бисин спросил девушку:

— Как тебя зовут?

— Мята. — Девушка взглянула на него и кивнула. Имя у неё было странное, зато манеры — на редкость серьезные, совсем не вяжущиеся с её вспыльчивым характером, позволяющим выхватить пистолет при первом же споре.

— Верно. Торговля людьми — важнейшая часть межзвездной контрабанды, на неё приходится более семидесяти процентов всех сделок. Мята, плюс один балл к успеваемости. Всего нужно набрать шестьдесят баллов, надеюсь, к концу семестра все справятся, тогда экзамен будет сдать легче, — Лу Бисин легко переключался между экзаменами, торговлей людьми и кровавым бизнесом. — Кроме того, есть запрещенные товары: частное оружие восьмого сектора, трофеи межзвездных пиратов или то, что запрещено в цивилизованных регионах...

Уайт не унимался:

— А что именно запрещено?

— Многое. Например, искусственные биологические существа, — сказал Лу Бисин. — Вы видели существ с человеческой головой и телом змеи? У них человеческий мозг, но после насильственного сращивания интеллект страдает, примерно на уровне пяти-шести лет. Хотя они немного глупы, мысли и чувства у них такие же, как у людей. Пришитый сверкающий змеиный хвост делает их ценными экзотическими питомцами для богачей.

Уайт ошарашенно спросил:

— Директор, вы видели таких?

— Видел одну в детстве, — Лу Бисин помолчал. — Кто-то подарил её моему отцу. Я пробрался в подвал и нашел её. Девочку — обычно это девочки, у них лица красивее, хотя говорят, бывают и симпатичные мальчики.

— И что потом?

Лу Бисин:

— Потом я взял пистолет и застрелил её.

В классе воцарилась тишина.

Спустя долгое время голос Уайта стал тише на октаву:

— Вы... вы не могли её отпустить?

— Женщины-змеи, русалки — это даже не генетический дефект, это уродливое творение, созданное на основе извращенных эстетических представлений. Без сложных инкубаторов и систем питания они не могут выжить. Если человек докатился до жизни животного, то он хотя бы должен быть животным, которое обладает свободой. — Теплая улыбка, обычно не сходившая с лица Лу Бисина, исчезла. На его лице, которое всегда казалось шутливым, проступил холод. Он не стал углубляться и поднял руку, пресекая любопытство студентов: — Следующий вопрос.

Четвертый брат не стал вмешиваться. Оставив Пенни с людьми, чтобы те передали меха, он молча ушел вместе с Чжаньлу.

Сев в машину, Четвертый брат внезапно сказал Чжаньлу:

— Просканируй еще раз генетический код Лу Бисина.

Чжаньлу выполнил приказ, и через мгновение холодный механический голос сообщил результат:

— Третья проверка. Гены не совпадают.

Четвертый брат вздохнул, откинувшись на спинку кресла.

— Сэр, генерал Лу Синь погиб, а госпожа пропала тридцать три года назад. Костный возраст директора Лу — двадцать восемь лет, возраст не совпадает. За последние пять лет вы трижды сомневались и просили меня сканировать гены директора Лу, и все три раза результаты были отрицательными, — сказал Чжаньлу. — Генерал Лу Синь при жизни был в хороших отношениях с Одноглазым Орлом. Тридцать три года назад Одноглазый Орёл в память о нем взял фамилию Лу. Если вы подозреваете директора Лу только из-за фамилии, то это ничем не обосновано. Вы не можете считать, что раз Одноглазый Орёл вернул одну «реликвию», то и вторая находится у него.

— Но он открыл мою систему шифрования, — тихо сказал Четвертый брат. — Кроме меня, это мог только...

Чжаньлу ответил:

— У директора Лу очень высокий уровень технических навыков, плюс немного удачи — нельзя исключать, что он смог взломать код.

Четвертый брат не стал спорить, лишь ответил коротким «м-м».

Чжаньлу помолчал, а затем неожиданно спросил:

— Когда вы в прошлый раз сказали «да и черт с ним», вы на самом деле говорили не то, что думали?

Четвертый брат снова «оглох», попутно решив, что ИИ, конечно, вещь умная, но иногда слишком болтливая.

Глава 11

— Это был Лу Синь.

На площади Алмазов в столичном секторе Вото Линь Цзиншу с удивлением обернулась и увидела, что с ней заговорил старый маршал Вульф. Она поспешила встать:

— Добрый вечер, господин Вульф.

Площадь Алмазов была переходной зоной между центральным залом Совета Альянса и парком. В тот момент в зале проходил бал. Ночные огни пробивались сквозь полузакрытую площадь и уходили вглубь парка, где среди зелени мелькали наряды и слышался смех.

Это был мир цивилизации.

Днем Комитет Эдема и Законодательное собрание Вото лишь наблюдали со стороны, пока представители семи секторов грызлись в зале Совета, едва не доходя до драки. А вечером, стоило Эдему отрегулировать гормоны, сменить одежду и навести марафет, все они превращались в одну большую дружную компанию.

Как жена генерального секретаря Совета, Линь Цзиншу была обязана присутствовать. Слишком много людей хотели потанцевать с ней — если бы она соглашалась на всё, то превратилась бы в автоматический волчок. Поэтому она обычно показывалась на глаза, а потом пряталась в укромном уголке, ожидая, когда муж закончит свои дела, чтобы вместе уехать домой.

В тот день Линь Цзиншу спряталась в Аллее Стелы у входа в парк.

С момента основания Альянса все герои, внесшие вклад в развитие человечества, получали там свои стелы с описанием заслуг и бюстом наверху. У старого маршала Вульфа, возглавлявшего армию более двухсот лет, была своя стела. Генерал Линь Цзинхэн, из-за своей безвременной и громкой кончины, также удостоился места.

Среди этих стел было одно странное место: лишь квадратное каменное основание высотой около тридцати сантиметров. Ни надписей, ни бюста — в стройном ряду стел оно выглядело как выбитый зуб.

Линь Цзиншу только что сидела на этом основании, отдыхая.

Старому маршалу было за триста, он застал две эпохи — старую и новую, и ему не нужно было ни с кем церемониться. Коротко кивнув, он посмотрел на пустое основание:

— Эта стела раньше принадлежала Лу Синю.

Линь Цзиншу поспешно отступила:

— Простите, я не...

Маршал прервал её:

— Вы видели когда-нибудь Лу Синя?

Линь Цзиншу замялась, отвечая осторожно:

— Нет, и особо не слышала, чтобы о нем говорили.

— Теперь уже не осмеливаются. Во всей столице, кроме таких старых развалин, как я, кому еще позволено упоминать Лу Синя? — Маршал пнул ногой сорняки у основания и горько усмехнулся. — Многие рекорды, которые он установил в Академии Улан, до сих пор никто не побил. Я лично повысил его, нарушив правила. Позже он, вопреки приказу, вошел в восьмой сектор, после одного сражения стал одним из десяти великих генералов. В тридцать шесть лет он имел заслуги, не имевшие равных, и славу, охватившую весь мир... но он был слишком непокорен. Слава пришла к нему слишком рано и в итоге погубила.

Челюсть маршала сжалась в острую, полную горечи линию:

— В конце концов он стал предателем, был объявлен в розыск и умер, не оставив после себя даже памятника.

Линь Цзиншу молча слушала, проявляя бесконечное терпение, хотя ей было совершенно неинтересно. Она идеально играла роль бездумного слушателя.

Маршал долго погружался в свои воспоминания, пока вечерний ветерок не принес аромат её духов. Слизистая носа маршала была чувствительной, он невольно чихнул, что вернуло его к реальности:

— Старость — не радость, болтаю лишнего. Простите, увидев вас, я вспомнил Цзинхэна. У Лу Синя был скверный характер, но он всегда был к нему добр, даже Чжаньлу оставил ему... Вероятно, считал, что эти дармоеды из военного комитета недостойны касаться его меха.

Линь Цзиншу слегка склонила голову:

— Для меня это честь.

Маршал разглядывал её. Говорили, что брат и сестра Линь — близнецы. На первый взгляд, их черты лица были схожи, но при внимательном рассмотрении казалось, что они — полная противоположность. Между ними не было той кровной связи, что бывает у отца с дочерью или брата с сестрой. Манеры, аура, темперамент — всё было разным, словно они были двумя незнакомцами, которые случайно оказались похожи.

Огни на балу сменили цвет, означая скорое завершение. Маршал галантно предложил ей руку:

— Ваш брат очень талантлив, не уступает своему учителю Лу Синю, только ленив. В Академии Улан он каждый раз сдавал экзамены ровно на столько, чтобы получить стипендию, не тратя на учебу ни лишней капли усилий. Если его не подгонять, он всегда витает в облаках. Я учил его, вел его, но так и не понял, чего он хочет.

Улыбка на лице Линь Цзиншу была словно нарисованной — изысканной и фальшивой:

— Он действительно создает дистанцию. Наши встречи всегда формальны — пара дежурных фраз, и больше говорить не о чем.

— Я думал, близнецы должны быть очень близки, — заметил маршал.

— Возможно. Но нас разлучили в раннем детстве, и все эти годы мы почти не общались, — голос Линь Цзиншу был мягким, как журчание ручья, спокойным, но лишенным чувств. — Самое близкое время, пожалуй, было, когда мы делили одну утробу. Похоже, я знаю его даже меньше, чем вы.

<http://bllate.org/book/19100/1876001>